

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 4
volume 4**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1993

Главные положения сочинения VIII-го века "Основы управления в период Чжэнь-гуань" ("Чжэнь-гуань чжэн яо")

И. Ф. Попова

(Институт востоковедения РАН)
(Санкт-Петербург)

Сочинение У Цзина (670—749) "Основы управления в период Чжэнь-гуань" (далее ЧГЧЯ) — одно из достаточно известных произведений традиционной китайской историографии. Десять частей (*цзюаней*), разделенных на сорок глав (*пяней*) этого произведения представляют собой главным образом изложение бесед танского императора Тай-цзуна (627—649), правившего под девизом Чжэнь-гуань ("Истинное Рассмотрение"), с его приближенными по разным вопросам управления и морали. На долгие годы ЧГЧЯ стало главным источником по истории политической мысли Китая означенного периода. Восхищенные отзывы о ЧГЧЯ оставили император династии Мин Сянь-цзун (1465—1487) и цинский государь Цянь-лун (1736—1795). Оно было известно в Корее и в Японии, в тангутском государстве Си Ся (X—XIII вв.), в киданьском Ляо (X—XII вв.), в чжурчжэньском Цзинь (XII—XIII вв), позже было переведено на монгольский и маньчжурский языки.

Огромный интерес к ЧГЧЯ в официальных кругах традиционного Китая и целого ряда дальневосточных государств был обусловлен прежде всего интересом к порядкам и политическим принципам царствования императора Тай-цзуна, признанных конфуцианской историографией "совершенными" [4, цз. 2.1, с. 186]. Столь высокая оценка была обусловлена как внутри- и внешнеполитическими результатами правления Чжэнь-гуань, так и тем, что Тай-цзун олицетворял важнейший, с точки зрения конфуцианского этического учения, талант правителя: он сумел привлечь к себе на службу талантливых и образованных людей и максимально использовать их способности на благо государства. В связи с этим блестящие достижения государственного управления в период Чжэнь-гуань расценивались как результат деятельности не только самого императора, но и его советников.

В 1465 г. император Сянь-цзун, находясь под впечатлением от прочтения ЧГЧЯ, распорядился переиздать это произведение, написав к нему предисловие. "Я считаю, — говорил он в этом предисловии, — что после трех [совершенных] династий [Ся, Шан и Чжоу] не было таких достижений в управлении государством, как во время Тан, а в течение трех столетий Тан не было такого расцвета, как в период Чжэнь-гуань. Так получилось, поскольку, с одной стороны, [император] Тай-цзун отдавал все силы и разум во имя бла-

годенствия страны, с другой — сановники, подобные Вэй Чжэну, сознавая, что их высоко ценят, оказывали большую помощь [императору], рекомендовали ему подходящее взамен негодного и [таким образом] содействовали управлению. Когда правитель просвещен, а сановники следуют верному пути, именно это и называется расцветом. Это истина! Прежде историограф У Цзин собрал факты и классифицировал их по десяти цзюаням, назвав [их] "Чжэньгуань чжэн яо". Юаньский ученый-конфуцианец Го Чжи-фу пересмотрел и исправил комментарий, дополнил [текст] конфуцианскими рассуждениями, чтобы раскрыть его смысл. Кроме того, ныне [здравствующий] крупный ученый У Дэн также составил предисловие, чтобы потомки не могли счесть [это произведение] недостоверным. Я — государь, в свободное от множества дел управления время остро интересуюсь каноническими и историческими сочинениями и в этой книге нахожу удовольствие, поскольку в ней [предстает] государь, который обладает достоинством, [состоящим] в использовании на службе мудрецов и восприятии [их] советов, и сановники, обладающие верностью, содействующие правителю и открыто указывающие [ему] на ошибки. В этом [произведении] говорится о порядке и смуте, о расцвете и гибели, выгоде и вреде. Оно [содержит] настоятельные [сведения], и я очень его одобряю" [4, с. 1а].

Признание за вторым танским государем несомненной способности тщательно отбирать и назначать на должности сановников не было безосновательным. Бурные события конца династии Суй (581—617) вовлекли в активную политическую деятельность множество талантливых и образованных людей. Лучшие из тех, кто попадал в поле зрения Тай-цзуна, привлекались в его штат. Тай-цзун демонстрировал бережное отношение к сановникам, неоднократно обращался к ним с просьбами давать ему советы о достойном правителя поведении и об управлении государством.

Допуская значительную политическую активизацию служилого сословия, Тай-цзун действовал с предельной осторожностью, умело следил за равномерным представительством региональных группировок при дворе, создал большое количество независимых друг от друга, по сути равнозначных совещательных органов, лично устанавливая их состав и численность. При этом Тай-цзун с повышенным вниманием относился к идеям, которые могли быть взяты на вооружение оппозицией, и стремился к предельному соответствию личного поведения, а также основных политических шагов конфуцианской этике. В этом Тай-цзун весьма преуспел и впоследствии его образцовое взаимодействие с сановниками стало объектом сочинения ЧГЧЯ, завершеного У Цзином в 705 г.

Автор ЧГЧЯ У Цзин (У Си-чжай) родился в волости Бяньчжоу, уезде Сюньи (ныне провинция Хэнань, уезд Кайфэн). Благодаря поддержке влиятельных покровителей он был принят в Историографическую комиссию (*Шигуань*) при дворе императрицы У-хоу (684—705). Впоследствии, занимаясь историографической и совещательной деятельностью при дворе, назначался советником (*ши и*), цензором (*бу цюэ*), а также четырежды начальником областей (*цы ши*). ЧГЧЯ — единственное его произведение, сохранившееся до наших дней. Появление ЧГЧЯ было обусловлено политической ситуацией, сложившейся к концу правления императрицы У-хоу, сведшей, как считается, совещательную деятельность сановников почти к ну-

лю. После отречения императрицы в 705 г. в китайской общественной мысли довольно остро были поставлены вопросы возрождения гуманного стиля правления начала Тан. В подаваемых на высочайшее имя меморандумах звучали страстные призывы обратиться к наиболее ценным традицией этическим идеалам управления. Просьбы подобного рода неоднократно излагал в своих ремонстрациях У Цзин, ссылавшийся на пример Тай-цзуна [2, цз. 132.57, с. 4527].

Структурно ЧГЧЯ построено в соответствии с традиционной китайской аксиологией — все вопросы рассмотрены в нем дедуктивно от наиболее к наименее важному. Первые две главы посвящены сущности верховной власти. Они называются "О Пути-Дао правителя" ("Цзюнь Дао") и "О сути управления" ("Чжэн ти"). Затем следуют главы о назначении на должности мудрых и об умении оценить и использовать их советы; приводятся биографии крупнейших сановников. В главах о воспитании Наследника Престола первостепенное значение придается выбору Наставников и иллюстрируются различные аспекты взаимодействия с ними и правящего государя, и Наследника. Затем в ряде глав приводятся диалоги, эпизоды из жизни Тай-цзуна, высказывания императора и видных государственных деятелей в связи с конкретными принципами и определенными сторонами политики (умиротворением границ, установлением налогов, созданием законов и т. д.). Причем все политические вопросы сфокусированы вокруг важнейшей проблемы — достижения вечного царствования династии, продления ее сроков. И, естественно, что решения, принятые по большинству вопросов, преподносятся как результат обсуждения с сановниками.

Поставленный в предисловии к ЧГЧЯ вопрос о том, каким надлежит быть правителю и какие функции он должен осуществлять с древнейшего периода оставался одним из наиболее актуальных в китайской политической мысли. ЧГЧЯ предлагает на него весьма подробный ответ. К числу главных принципов правителя Поднебесной империи сам Тай-цзун относил заботу о народе, достижение государем собственного нравственного совершенства, а также необходимость дать свободу деятельности советников [4, цз. 1.1, с. 16]. Своего рода "диалог" государя и сановника, определивший содержание официальной идеологии традиционного Китая, явился вариантом идеологического образования, очевидно, наиболее оптимального для обоснования существовавшей государственности, а именно бюрократической империи. В основу этого диалога легко коренящееся в древнейшем политическом сознании представление о единстве сакрального и этического начал верховной власти.

Особенности превозносившихся конфуцианской историографией взаимоотношений Тай-цзуна с сановниками определялись рядом конкретно-исторических условий начала Тан. За период Лючао (229—589) усилилось противопоставление служилых людей неспособным правителям и первые осознали себя отстраненными от власти. В дотанском Китае сменило друг друга множество династий, некоторые из них — на севере — были некитайского происхождения. В условиях, когда неоднократно поднимался вопрос о нарушении правителями Пути-Дао и утрате Мандата, служилое сословие острее осознавало свою значимость в качестве единственной духовной силы империи [1, с. 194]. Поэтому перед Тай-цзуном стояла задача не просто привлечь на свою сторону служилое сословие, для которого при всех жиз-

ненных обстоятельствах чиновничья карьера оставалась мерой жизненных успехов, а главным образом необходимость продемонстрировать, что танская династия видит в государственном человеке достойного политического партнера. В ЧГЧЯ приведены следующие слова Тай-цзуна: "Человеку, который хочет увидеть собственное отражение, необходимо задержаться у чистого зеркала, а государю, который хочет узнать о [своих] недостатках, непременно следует прибегнуть к помощи честного сановника" [4, цз. 2. 4, с. 186]. То есть, по мнению Тай-цзуна, прибегать к помощи советников высоких достоинств государь должен был во имя достижения собственного нравственного совершенства. Быть умиротворенным, мудрым, воздержанным правитель был обязан прежде всего во имя достижения благосостояния и спокойствия Поднебесной, что рассматривалось конфуцианской политической мыслью как главная цель и критерий мудрого правления. Причем, чтобы знания и добродетели сановников проявились в полной мере, правитель был обязан подобрать им соответствующие должности, соотнося, как учили древние мудрецы, степень талантов человека с мерой ответственности поста. И не следовало принимать во внимание прежние занятия сановников, даже если эти занятия были самыми низкими и презираемыми. Известно, что сам Тай-цзун искал помощников, бюрократов не только в среде служилых людей. В созданные в период его царствования Школы каллиграфии и права принимались выходцы из низших слоев общества. Кроме того, Тай-цзун предписывал начальству на местах помимо экзаменов выявлять наиболее способных людей и рекомендовать их на государственную службу. Тай-цзун отмечал прежде всего практический характер помощи мудрых подданных: "...Когда на корабле переплывают море, работают веслами, когда птица поднимается в облака, она машет крыльями, а когда правитель занимается государственными делами, он непременно прибегает к помощи мудрых людей" [3, цз. 1, с. 12].

В ЧГЧЯ в главах о принципах распределения государем обязанностей акцент смещен явно не в сторону практической, а совещательной деятельности сановников. Любой советник должен иметь право в любой момент указать государю на его просчеты. Быть терпимым к заявлениям назидательного характера, более того — поощрять их, уметь воспринимать критику — важнейшее достоинство правителя.

Примечательно, что существенная для раннетанских правителей проблема — роли императорского клана, возможности привлечения родственников, имеющих единую с императором внутреннюю природу, к делам государственного управления — в ЧГЧЯ практически сведена на нет. Хотя известно, что косвенно она всплывала при обсуждении вопроса о назначении Наследника Престола. В главах ЧГЧЯ, посвященных судьбе Наследника и сыновей государя, приведены слова Тай-цзуна о том, что все совершенномудрые правители, начиная с Хуан-ди, с юных лет и в течение всей жизни учились у своих наставников понимать Путь-*Дао* правителя [4, цз. 4.10, с. 5а—5б].

Изложенные в ЧГЧЯ принципы управления государством в целом соответствовали конфуцианской системе ценностей и интересам высшей бюрократии, которая считала себя главным творцом и арбитром дел управления и ни при каких обстоятельствах не хотела от них отстраняться. В связи с этим ЧГЧЯ долгие столетия не теряло своей актуальности, а приводимый в

нем богатый материал неоднократно использовался для доказательства легитимности многих государей и династий.

"Основы управления в период Чжэнь-гуань"

Цзюань 1

Глава 1. О Пути-Дао правителя

[Однажды] в начале периода Чжэнь-гуань (626) [император] Тай-цзун обратился к сановникам со словами: "Правитель, придерживающийся Пути-Дао, прежде всего обязан бережно относиться к [своему] народу. Когда [государь] вредит народу, действуя во благо себе, то [он] как будто отрезает собственную ногу для насыщения желудка: желудок наполняется, но плоть умерщвляется. Для умиротворения же Поднебесной, [государю] прежде всего надлежит достичь собственного совершенства. Когда же [он] не упорядочивает себя и пестует криводушие, то — [хотя] верхи и пребывают в порядке и благополучии — низы бунтуют. Я — государь, всегда считал, что для [правителей], губивших себя, вредотворными оказывались не воздействия извне, а [собственные] безудержные прихоти. Ведь когда имеют пристрастие к чревоугодию, увеселениям, музыке и женским чарам, довольствуются многим, но и вред имеют большой, поскольку нарушаются дела управления, и лишаются спокойствия люди. И если при этом произносят хоть одно неразумное слово, то народ утрачивает единство, озлобляется, начинает бунтовать и поднимается во множестве. Я — государь, всегда думал, что так происходит, когда [монархи] не осмеливаются дать свободу [деятельности] советников".

Вэй Чжэн¹ сказал на это: "Все совершенномудрые правители древности умели обходиться с приближенными и поэтому могли опекать все, что находилось на расстоянии. В прежние времена правитель [княжества] Чу пригласил Чжань Хэ² и спросил его, в чем суть обустройства государства. Чжань Хэ ответил: "В технике-шу самосовершенствования". Чу-ван вновь спросил: "[Так] на что же похоже обустройство государства?" Чжань Хэ сказал: "У тех, кто не знает о совершенствовании личности, государство пребывает в смуте". Смысл высказанного Вами, Государь, суждения совпадает с древним толкованием".

Во второй год [царствования под девизом] Чжэнь-гуань (628) Тай-цзун спросил у Вэй Чжэна: "Какого правителя называют просве-

щенным, а какого — невежественным?" [Вэй] Чжэн ответил: "Просвещенным государя делает терпимость к чужим словам, а невежественным — пристрастность. В "Книге поэзии" сказано, что древние совершенномудрые искали совета у простых людей³. В совершенные царствования Тан [Яо] и Ся [Юя] открывали во всех направлениях ворота, охватывали пространство ясным зрением и чутким слухом. Поэтому среди совершенномудрых не бывало невежественных. Гун[гун] — [главный инспектор водохозяйственных работ] — Гунь усиленно трудился, но не сумел построить запруды, а почтительные слова [бывает] несут зло, но не могут посеять сомнений. Вот Цинь Эрши-[хуан] отстранился от дел, чурался посторонних и всецело полагался на Чжао Гао⁴, а когда Поднебесная взбунтовалась, [он] и не узнал [об этом].

Лянский У-ди внимал лишь Чжу И⁵, и, когда Хоу Цзин⁶ поднял войска и направил [их] на императорский дворец, [государю] об этом было неизвестно. Суйский Ян-ди пристрастно внимал Юй Ши-цзи⁷, и, когда разбойники повсеместно стали нападать на города и разорять селенья, то [он также] не узнал [об этом]. Вот почему правитель [должен] преклонять слух перед каждым, воспринимать советы подданных, и тогда знатные сановники не смогут скрытничать, а низшие будут стремиться к тому, чтобы государь был осведомлен [о событиях в Поднебесной]".

Тай-цзун высоко оценил его слова.

В десятый год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (636) Тай-цзун спросил сановников: "Что является для монархов более трудным: основание династии или умение преемствовать?"

Левый помощник Главы Кабинета министров Фан Сюань-лин⁸ ответил: "[Подобно] Небу и Земле, находящимся в первоначальном хаотическом состоянии, отважные мужи противостоят друг с другом]. Тот, кого повергают, покоряется; тот, кто побеждает в сражении, одерживает верх. Из этого следует, что основание династии — труднее".

Вэй Чжэн ответил [на вопрос императора так]: "Монархи в начале [пути] всегда сталкиваются с упадком и смутой, преодолевают чужие невежество и вероломство, и народ с радостью находит в них оплот. Когда [среди] четырех морей [все] изъявляют покорность, Небо жалуется, а народ присоединяется — тогда не трудно. Когда [все] это уже достигнуто, [правители] стремятся жить в довольстве и праздности. Народ хочет спокойствия, а повинности не дают [ему] отдыха; народ изнуряется, а чрезмерные обязанности не дают ему перевести дух. Государство приходит в упадок, и обнищание обычно из-за этого. Поэтому скажу, что [более] трудным является [умение] преемствовать".

Тай-цзун изрек: "[Фан] Сюань-лин прежде содействовал мне в установлении мира в Поднебесной, вкусил сполна бедствий и мук, многократно подвергал [свою] жизнь смертельной опасности, и поэтому [он] считает [более] трудным основание династии. Вэй Чжэн помогал мне в утверждении порядка в Поднебесной, мечтая о беззаботной жизни, был вынужден ступать по выжженной земле, поэтому [он] считает [более] трудным умение преемствовать. Ныне трудности основания династии уже в прошлом и надлежит думать о трудностях преемствования. Господа сановники, отнеситесь к этому серьезно!"

В одиннадцатый год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (637) Вэй Чжэн, [имевший титул] *тэцзиня*⁹, в докладной записке на имя государя указал следующее: "Ваш покорный слуга уяснил, что с древнейших времен все, кто, зная волю Небес, воплощали [её] в жизнь, кто, наследуя престол, придерживались мирных методов управления, кто сдерживали в узде героев, кто, обратившись лицом к югу, правили подданными, — все [они] стремились обрести подобие Небу и Земле по [своей] обильной добродетели, сравниться с солнцем и луной [своей] высокой просветленностью. [Они хотели], чтобы [их] род продлился на сотни поколений, а династия не имела конца. Однако благополучно осуществивших [это] было мало, а погубители следовали непрерывной чередой друг за другом. Почему же так происходило?"

То, что повергало [государей] в ошибки — это их Путь-*Дао*. Не [следует] оставлять [без внимания] поучительный пример [династии] Инь. Можно рассуждать, используя [его]. Прежде, когда [династия] Суй объединила страну, доспехи были надежными, оружие — острым. И в течение тридцати с лишним лет поучения [суйского] основателя распространялись на десять тысяч *ли*, а устрашение приводило в трепет дальние окраины. Но внезапно все перешло в руки другого человека. Это был Ян-ди. Разве [он] питал отвращение к порядку в Поднебесной и не хотел продлить сроки династии? Но на деле, творя зло, подобно [иньскому тирану] Цзе, [он] привел [её] к гибели. Полагаясь на свое богатство и могущество, Ян-ди не опасался грядущих несчастий и управлял Поднебесной, потакая своим прихотям. Использовал все, что только можно, обеспечивая самого себя. Выбирал женщин в пределах государства, искал редкости в дальних странах. Дворцы и парки [у него] были великолепны, террасы и башни высоки. Повинности были бессрочны, а щиты и копыя применялись постоянно. Внешне выказывали строгость и почтительность, а внутри скрывали коварство и зависть. Клеветники и лицемеры непременно обретали благоденствие, а из верных и прямодушных никто не был спокоен за свою жизнь. Высшие и низшие обманывали друг друга, Пути-*Дао* правителя и подданного были разобщены, народ не признавал распоряжений, страна

раскололась на части, и потому все, что было почитаемо [среди] четырех морей, погибло от рук простоллюдинов. И [эта] насмешка над Поднебесной разве не заслуживает скорби?

Но мудрые и прозорливые в нужный момент поддержали ослабленную страну. Восемь опор¹⁰ накренились, но были выпрямлены, четыре устоя¹¹ расстроились, но были восстановлены. Дальние стали почтительны, ближние спокойны, и [это] не нарушается круглый год. Жестоких перевоспитывают, смертные казни отменяют, и [от этого] не отступят [в течение] ста лет. Ныне все загородные дворцы, башни и шатры уже обжиты, все драгоценности и редкости собраны, красавицы все приближены, [в пределах] четырех морей и девяти областей все [Ваши] рабы. И поэтому необходимо думать о причинах чужих неудач, помнить о причинах своих успехов. [Необходимо] день ото дня становиться [все более] бдительным. И даже на отдыхе оставаться неусыпным, [думая] о драгоценных одеяниях, сгоревших на террасе Лутай¹², и об обширных покоех разрушенного дворца Эфан¹³. Когда государь опасается погибнуть в великолепном чертоге и тоскует о спокойной жизни в скромном обиталище, когда божественное воздействие [его] проникает незаметно [повсюду] и устанавливается управление недеяннем, то это есть наивысшее проявление силы-дэ [монарха].

Когда усилиями государей-предшественников уже создана [династия], то [последователи] не уничтожают, а именно сохраняют прежнее. Разве что истребят его, проявив беспечность. Так, бывало, разрушали низкосортные соломенные крыши вместе с балками из коричного дерева, а земляные ступени путали с нефритовыми. Когда [государь] радуется, что, утруждая народ, не доводит его до изнеможения; когда помнит постоянно, что, живя [во дворце], [сам он] пребывает в праздности, а те, кто строил [этот дворец] усердно трудятся; когда народ доволен, и сыновья появляются на свет во множестве; когда [люди], почтительно взирая [на государей], следуют [своей] истинной природе, — это есть проявление силы-дэ [монарха] следующей, более низкой по степени [совершенства].

Но ведь и совершенномудрые [могут] путаться в мыслях, относиться к себе без строгости и в конце концов пренебречь трудностями соединения и созидания. Когда [государь] считает, что во всем можно опираться на Мандат Неба; когда [он] презирает бережливость, предполагающую балки [во дворцах] делать из низкосортного дуба; когда устремляется к роскоши и [строит] резные стены; когда, обладая высоким положением, он [еще более] возносится; когда, преумножая имеющееся [великолепие], он совершенствует [его], а, обладая многими разновидностями [богатств], увеличивает [их разнообразие] и не знает предела; когда народ не испытывает воздействия [его] силы-дэ и

страдает от налогов, — это есть самое худшее. Это [можно] сравнить с тем, как с вязанкой хвороста за спиной [идут] тушить пожар, или, как переливают кипяток, чтобы прекратить кипение, [вместо того, чтобы погасить огонь под котлом], или грубым насилием подавляют смуту.

Когда же смуту отождествляют с Путем-*Дао*, то никто не способен отличить [их друг от друга]. Да и потомки разве могут разобраться? Когда в делах [государя] невозможно ничего понять, люди озлобляются; когда люди озлобляются — гневаются духи; когда духи гневаются, то непременно происходят стихийные бедствия; когда происходят стихийные бедствия, обязательно возникают войны и смуты; а когда возникают войны и смуты, то мало кто может сохранить [свою] жизнь и доброе имя.

Ныне, после того, как по воле Неба изменился Мандат, царственная благодать должна возвыситься на семьсот лет¹⁴ и перейти по наследству к детям и внукам на десятки тысяч веков. И можно ли [сейчас] не думать о многотрудности свершений и уязвимости от урат?"

В том же месяце [одиннадцатого года Чжэнь-гуань] (637) [Вэй]" Чжэн вновь подал на высочайшее имя докладную записку, в которой говорилось: "Ваш покорный слуга слышал, что, когда хотят вырастить дерево, заботятся о корнях и стволе; когда хотят расширить поток, то непременно расчищают источник; а когда думают о спокойствии государства, то обязательно преумножают добродетель и справедливость. [А ведь бывает, что] не углубляют источник и надеются, что поток будет простираться вдаль; не заботятся о корнях, и хотят, чтобы дерево росло; не упрочивают добродетель и полагают, что в государстве установится порядок. Я — всенижайший и невежественный слуга — и то знаю, что это несбыточно, так что же говорить о совершенномудрых и просвещенных!

Правящий народом государь внушительен, поскольку пребывает на престоле, и велик тем, что обладает Поднебесной. [Он] всегда, подобно Небу, возвышен и оберегает безграничную благодать. [Если же правитель] забывает о том, что, живя в спокойствии, [надлежит] думать об опасности и что [следует] остерегаться расточительности и быть воздержанным; [если он] не изливает [на низших] свое благоволение и не подавляет своих страстей, [тогда он становится похож на человека], который, желая, чтобы дерево стало пышным, подрубают корень, или, надеясь расширить поток, заливает источник.

Из множества государей, получавших благовеликий Мандат Неба, все те, кто пребывал в заботах об установлении порядка [в стране], непременно следовали Пути-*Дао*, а те, кто был преемником в

уже созданной династии, постепенно утрачивали [свою] силу-дэ. Таких, кто достойно начинал [династию], действительно было множество, а таких, кто благополучно завершал [ее], почти не было. Разве приобретать легко, а сохранять — трудно? И почему же в древности обретавших [власть] было с избытком, а ныне те, кто сберегает ее — в недостатке?

Да потому, что [обычно], заботясь об установлении порядка [в стране], непременно со всей искренностью опекают низших. Когда же желаемое достигнуто, дают волю страстям и презирают всех и вся. [Когда поведение государя определяется] предельной искренностью, [даже варвары] ху и юэ едины, а когда — безграничным презрением, то разобщены [даже] ближайшие родственники. Хотя в управлении [народом] прибегают к суровым карам и приводят [его] в трепет с помощью грозного гнева, в конце концов [люди] приспособляются избегать [наказаний], не имея при этом гуманности в душе; и соблюдают внешне знаки вежливости, не имея покорности в сердце. Неудивительно, сколь велика опасность! Ведь понесет ли народ-[река] лодку или опрокинет ее — к этому надлежит относиться с величайшей серьезностью. И можно ли быть беззаботным, когда мчишься в повозке и правишь жгутом из вялых трав?

Если государь без усилия может, видя объект [своего] желания, подумать о соблюдении меры и сам себя предостеречь; если, принимаясь за какое-либо дело, [он] подумает о [необходимости] вовремя остановиться, чтобы успокоить [ропот] в народе; если, тревожась об уязвимости [своего] высокого положения, подумает о скромности в обеспечении своей персоны; если, остерегаясь излишеств, подумает, что реки и моря образуются из сотни потоков; если, наслаждаясь охотой, подумает, что [только] трехсторонний лов¹⁵ является установленной нормой; если, опасаясь проявить легкомыслие, подумает о [необходимости] быть осмотрительным от начала и до конца; если, чувствуя себя неуютно из-за [собственной] недоступности, подумает о том, как бы со всей душой воспринять советы преданных; если, размышляя о клевете и фальши, подумает о самосовершенствовании и искоренении пороков; если, преумножая милость, подумает о том, что нельзя неразборчиво проявлять благоснисхождение и ошибаться в определении наград; если, прибегая к карам, подумает о том, что нельзя давать волю гневу и злоупотреблять наказаниями, — тогда все эти десять [поводов] задуматься содействуют развитию и преумножению девяти добродетелей¹⁶.

Когда предпочитают способных и назначают их на должности, когда избирают путь добра и следуют [ему], тогда мудрые исчерпывают свои замыслы, мужественные отдают все свои силы, человеколюбивые

распространяют повсюду свою доброту, верные отдают свою преданность, гражданские и военные чины наперебой проявляют себя, а правитель и сановники, не имея забот, могут предаваться развлечениям, пестовать [свое] долголетие, как у [Чи] Суна и [Ван] Цяо¹⁷, и, играя на цине, спустив рукава и сложив руки, не говоря ни слова, осуществлять преобразование [подданных]. Зачем же нужно утомляться, ломать голову, вместо того, чтобы опираться на низших в руководстве службами и работами и [полагаться] на [их] зоркие глаза и чуткие уши?

Да возблагодарим Великий Путь-*Дао* недеяния!"

[Император] Тай-цзун в эдикте, начертанном высочайшей рукой, так ответил [Вэй Чжэну]: "[Я] неоднократно прочитал представленную докладную записку. Искренность [ее автора] в высшей степени истинна и непритворна, слова чрезвычайно настоятельны и продуманны. Просматривая [ее], [я] забывал об усталости и каждый раз засиживался за полночь. Если не обладать Вашей глубиной, чтобы проникнуться болью за государство, и Вашим авторитетом, чтобы, открыв [богатства своей души], оплодотворить [сердце государя]¹⁸, то разве можно было бы изложить столь прекрасный план? Нет, это было бы недостижимо!

Я — государь, слышал, что цзиньский У-ди после того, как покори [государство] У, погряз в спеси и расточительстве, и Хэ Цэн¹⁹ покинул [его] двор, сказав своему сыну Шао: "Каждый раз, удостоиваясь видеть государя, я не обсуждал с ним устремленных в будущее планов управления страной, а говорил каждодневные заурядные слова. Такой [стиль поведения] непременно навлекает несчастье и смерть". И ведь действительно, внук [Хэ Цэна] Суй был убит в результате злоупотреблений наказаниями.

Историки прошлых лет восторгались этим [эпизодом], предполагая в [Хэ Цэне] дар предвидения. Я же считаю, что [они] не правы. Говорить, что [Хэ] Цэн не был верным — это большое преступление. Ведь сановник, будучи приближенным [к императорской персоне], должен думать о том, как исчерпать [свою] преданность, а, удалившись от дел, [должен] думать об исправлении ошибок. [Он] должен совершенствовать свои достоинства, исправлять недостатки. И это для всех является нормой поведения. [Хэ] Цэн по положению сравнялся с тремя *гунами*²⁰, по титулу был высоко почитаем и наверняка прямолинейно высказывался, открыто увещевал, рассуждая о Пути-*Дао* и помогал [своему] времени. А после того, как [он] удалился от дел, сплетничать, будто [он] не вел споров в высочайшем присутствии, полагать это за мудрость — разве не ошибочно? Если в опасности правителю не на кого опереться, [он] найдет другого министра.

Изложенное Вами Я [охотно] воспринял. Обязательно помещу [Вашу записку] на письменном столе, приравняв [ее] по назначению к тетиве и выделанной коже²¹. Непременно надеюсь получить [от Вас] и другие. И на закате [моих] лет не допущу, чтобы здоровое и доброкачественное оставалось в прошлом, и, подобно рыбе, устремляющейся к воде, [хочу] наслаждаться [этим] и в настоящем. [Я] мечтаю, что вновь выслушаю [Ваши] прекрасные соображения, а, совершив проступок, не смогу [его] утаить. С открытой душой и чистыми помыслами Я благоговейно буду ожидать Ваших докладов".

В пятнадцатый год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (641) Тай-цзун спросил сановников: "Сохранять [власть] над Поднебесной — легко это или трудно?" Вэй Чжэн, [занимавший тогда должность] *шичжуна*²², ответил: "Крайне трудно". Тай-цзун сказал: "Если назначить на должности мудрых, то можно получать советы, и в таком случае стоит ли называть [это] трудным?" [Вэй] Чжэн ответил: "Обратившись к примеру древних государей, [увидим, что они], если находились в страхе и смятении, то назначали мудрых и выслушивали советы, а, пребывая в спокойствии и блаженстве, непременно чувствовали себя расслабленно, были небрежны в словах и поступках. [Их пример] дает повод для опасений, что с каждым днем и месяцем продвигаясь к упадку — в конце концов погибнешь. Именно в этом и заключается причина, что совершенномудрые, живя в спокойствии, думают об опасности. Жить в спокойствии и иметь способность опасаться — разве не является это трудным?"

Примечания

1 Вэй Чжэн (魏徵, 580—643) — прославленный сановник Тай-цзуна. Ученик и последователь ученого-конфуцианства Ван Туна (584—617). Состоял на службе у соперников танского дома в борьбе за престол Юань Бо-цзана, Ли Ми. С 621 г. служил у Ли Цзяньчэна, старшего сына императора Гао-цзу (618—626), а с 626 г. у Ли Ши-миня (Тай-цзуна). Занимал ряд ключевых совещательных должностей.

2 Чжань Хэ — 詹何, легист периода Чжэнь (403—221 гг. до н. э.), знаток техники-шу управления страной, упоминается у Ле-цзы, Чжуан-цзы.

3 Цитата из "Великих од" "Книги поэзии": 先人有言詢于芻蕘 ("Бань": [5, цз. 17.4.57, с. 10а]). В переводе А. А. Штукина: "Древний народ говорил, что разумен лишь тот, кто и у сборщика сучьев советы берет" ("Ода в поучение беспечному царедворцу": [6, с. 374]).

4 Чжао Го — 趙高, влиятельный циньский евнух, наставник сына Цинь Ши-хуана (221—210 гг. до н. э.) Ху Хая, ставшего впоследствии Цинь Эр-ши-хуаном (209—207 гг. до н. э.). Цинь Эрши-хуан, полагавшийся во всем на советы Чжао Го, сделал его министром. Затем именно Чжао Го убил Эр-ши и поставил у власти его сына Цзы-ина.

И. Ф. Попова. Главные положения "Чжэнь-гуань чжэн яо"

5, 6 **Чжу И 朱異** служил лянскому У-ди (502-549) в должности Придворного советника (*Саньци чанши 散騎常侍*). **Хоу Цзин** — **侯景**, сановник в Восточном Вэй (534—550), подвлял мятеж и просил разрешения подчиниться Лян. По совету Чжу И У-ди даровал Хоу Цзину генеральскую должность. Хоу Цзин вскоре затеял мятеж против Лян, во время которого У-ди погиб.

7 **Юй Ши-ци** — **虞世基**, сановник, имевший большое влияние на Ян-ди (605—617), последнего императора династии Суй (581—617). Занимал должность Помощника первого министра (*Нэйши шилан 内史侍郎*).

8 **Фан Сюань-лин** (*房玄齡*, 578-648) — один из особо доверенных сановников Тай-цзуна, должность Левого помощника главы Кабинета министров (*Шаншу цзо пие 尚書左僕射*) занимал с 629 г.

9 **Тэцзинь** — (*特進*), титул (должность?), присуждавшийся императором за особые гражданские или военные заслуги перед государством.

10 **Восемь опор** (*ба чжу 八柱*) под землей, как считалось, поддерживают великие горы, крупнейшие реки, пещеры.

11 **Четыре устоя** (*сы вэй 四維*) — ритуал (*ли 禮*), долг (*и 義*), честность (*лянь 廉*), стыливость (*чи 恥*).

12 **Лутай** — **鹿台**, название террасы, на которой последний иньский правитель Чжоу пытался спастись от У-вана. Понимая неизбежность гибели, Чжоу, облаченный в роскошные одежды и драгоценные украшения, поджег себя.

13 **Эфан** (*阿房, Эпан-гун*) — грандиозный загородный дворец Цинь Ши-хуана. Был сожжен при Хань (206 г. до н. э.—220).

14 Намек на семисотлетнее царствование дома Чжоу (XI в. — 256 г. до н. э.).

15 **Трехсторонний лов** (*сань цюй 三驅*) — норма, установленная совершенномудрыми правителями древности. При трехстороннем лове зверя загоняли с трех сторон, оставляя одну незащищенной, чтобы он мог уйти.

16 Один из вариантов объяснения девяти добродетелей (*цзю дэ 九德*): "добродетель, заключающаяся в девяти заслугах" (*цзю гун чжи дэ 九功之德*), что восходит к словам Юя из "Книги документов": "...добродетель [государя] заключается в хорошем управлении. Хорошее управление состоит в том, чтобы накормить народ. Вода, огонь, металл, дерево, земля, злаки [должны] находиться в порядке. Исправление нравов, обеспечение выгоды и улучшение жизни [народа] должно осуществляться в гармонии. Когда [перечисленные] девять заслуг (*цзю гун*) последовательно осуществляются, это знаменуют песнями" [7, цз. 2.3, с. 2а].

17 **Чи Сун** и **Ван Цяо** — **赤松, 王喬**, древние даосские отшельники-долгожители.

18 **"Раскрой богатства своей души, оплодотвори мое сердце"** (*ци най синь во чжэнь синь 啟乃心沃朕心*) — слова из "Шу цзина" [7, цз. 5.12, с. 9а].

19 **Хэ Цэн** (*何曾*, 199—278) — сановник в Западном Цзинь (265—316), занимал должности чэнсяна и Наставника двора (*тайфу 太傅*).

20 В тексте значится **тай сы** — **台司**, должности, аналогичные Трем гунам (*сань гун 三公*). При Тан в обязанности Трех гунов входили совещательные функции: советника

Источниковедение и историография

по военным вопросам (*тай вэй* 太尉), советника по вопросам культа и просвещения (*сы ту* 司徒) и советника по общественным работам (*сы кун* 司空).

21 Тетиву и выделанную кожу (*сянь вэй* 弦韋) в древности носили при себе: Тетива напоминала о необходимости быть решительным, кожа — о необходимости смягчать гнев.

22 Шичжун — 侍中, чиновник в Палате императорских советников (*Мэнсяшэн* 門下省), в ведении которого находились императорские указы.

Литература

1. Мартынов А. С. (Рец.): В. В. Малявин. Гибель древней империи. М., 1983, с. 224 — "Народы Азии и Африки". 1986, № 4, с. 189—195.
2. Сянь Тан Шу ("Новая история династии Тан"). Пекин, 1986.
3. [Тан] Тай-цзун. Ди фань ("Правила императоров"). Шанхай, 1936 (в сер. "Цун шу цзи чэн").
4. У Цзин. Чжэнь-гуань чжэн яо ("Основы управления в период Чжэнь-гуань"). Шанхай, 1936 (в сер. "Сы бу бэй яо").
5. [Ши цзин]. Мао Ши чжэнь и ("Книга поэзии в редакции г-на Мао с исправленными комментариями"). Шанхай, 1936 (в сер. "Сы бу бэй яо").
6. Ши цзин. Пер. А. А. Штукина. М., 1957.
7. Шу цзин ("Книга документов"). Шанхай, 1936 (в сер. "Сы бу пун кань").

SUMMARY

I. F. Popova.

"The Political Grounds of the Zhen-guan Period". Main Concepts.

The article represents the main principles of the Wu Ching's work "Zhen-guan Zheng Yao" ("The Political Grounds of the Zhen-guan Period"), which was dedicated to Tang Tai-zong's (627—649) political doctrine (the most optimum basis for the state organisation of the time) and contains the full translation of the 1st chapter of "Zheng-guan Zheng Yao" — "The Dao-Way of Rulers".